

**ХАСДАЙ ИБН ШАПРУТ И
АБУ-Л-КАСИМ ИБН ХАУКАЛЬ:
ХАЗАРСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ
ЕВРЕЙСКОГО САНОВНИКА
В АРАБСКОМ ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ТРАКТАТЕ**

Борис РАШКОВСКИЙ

Центр религиозной литературы и изданий русского зарубежья
Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы
(Москва, Россия)
borisevg@gmail.com

Жизнь и труды Хасдая ибн Шапрута – наиболее известного государственно-го деятеля еврейского происхождения в эпоху раннего средневековья – всегда были и будут в дальнейшем оставаться в числе популярнейших сюжетов научной иудаики. Благо, что жизнь и деятельность этого человека неплохо освещены источниками. Не занимая никаких официальных постов, ибн Шапрут на протяжении многих лет фактически руководил таможенной службой кордовского халифата в правление Абд ал-Рахмана III (с 912 г. – эмира; 929–961 гг.) и Хакама II (961–976 гг.). Начав свою карьеру в качестве придворного врача, он со временем подвизался и на дипломатической службе, выполняя различные поручения халифа, составляя корреспонденцию и лично участвуя в переговорах. Кроме того, Хасдай получил право составления писавшихся на иврите официальных посланий правителям других государств от имени Абд ал-Рахмана III. Он также использовал свое служебное положение для поддержки единоверцев, проживавших за пределами арабской Испании – ал-Андалуса. Сохранились тексты написанных от его имени дипломатических документов, адресованных правителям других государств, и материалы его переписки с еврейскими общинами Средиземноморья¹.

Особое место в наследии Хасдая ибн Шапрута занимает его знаменитое письмо к хазарскому правителю Иосифу. В своих предшествующих работах по данной тематике я уже отмечал важность исследования литературного контекста Письма Хасдая для понимания генезиса “Еврейско-хазарской переписки”². Однако в понимании деятельности Хасдая ибн Шапрута по установлению связей между испанским еврейством и Хазарией важную роль наряду с еврейскими источниками играют имеющиеся сведения современных ему арабских историков и географов, и, в особенности ибн Хаукаля.

Абу-л-Касим ибн Хаукаль ал-Нисиби занимает особое место в истории арабской географической науки. Его труды принадлежат к ее так называемой “классической школе”, внутри которой у него было два предшественника: основатель “школы” ал-Балхи и его последователь ал-Истахри – и один продолжатель – ал-Мукаддаси. Если труды ал-Балхи не сохранились, и об их содержании можно делать догадки на основании трудов его последователей³, то книга ал-Истахри дошла до нас в одной из существовавших редакций, датированной 950 г⁴. Продолжателем ал-Истахри был ибн Хаукаль, активно пользовавшийся его материалами: текстами и картами. В географическом трактате ибн Хаукаля “Книга изображения Земли” (араб. “Китаб сурат ал-ард”)⁵, о котором будет идти речь и в дальнейшем, сохранилось описание встречи ибн Хаукаля с ал-Истахри, при которой оба путешественника и географа обменялись друг с другом имевшимися у них картами и другими сведениями⁶.

Сочинение ибн Хаукаля сохранилось в нескольких редакциях, из которых наибольшее значение имеет представленная стамбульской рукописью В. S. 3346, датированной 1086 г., т. е. временем, всего лишь на столетие с небольшим отстоящим от оригинала. Рукопись эта богато иллюстрирована картами регионов, описываемых в той или иной главе работы ибн Хаукаля. Примечание автора к одной из этих карт явилось поводом для написания настоящей статьи.

Речь идет о карте Средиземного моря (араб. Бахр ал-Рум) на которой изображена горная гряда, протянувшаяся с запада на восток к северу от Испании и Италии. Изображение представленной здесь горной гряды снабжено пояснением следующего содержания:

هذا الجبل عظيم مديد عم حسداى ابن اسحق انه متصل بجبال ارمينية ويقطع لبد اروم فيصل فيه الى خزران وجبال ارمينية وكان بهذه النواحي خبيرا لاذه دخلها ولقى اكبار ملوكها ورجالها.

“Эта гора⁷ большая и протяженная. Хасдай ибн Исхак утверждает, что она соединяется с горами Арминийи. Она пересекает страну ал-Рум и тянется по ней до Хазарана и гор Арминийи. Он (Хасдай) был хорошим знатоком тех краев по причине того, что он побывал в них и встречался там с царями и влиятельными людьми”⁸.

Начать следует с того, что словом “гора” в арабской географической литературе иногда (как, например, в данном случае) может называться горная цепь. Изображение этой “горы” вытянуто вдоль северной Испании и северной части Италии, по ибн Хаукалю – страны ломбардцев (араб. ал-ан-к-б-рад). Действительно, в таком случае об этой “горе” можно говорить как о достаточно протяженной горной цепи. Ш. М. Штерн – первый исследователь, посвятивший специальную заметку этому экскурсу из географического трактата ибн Хаукаля, – уверенно отождествил упомянутую “гору” с тремя европейскими горными системами: Альпами, Пиренеями и Карпатами⁹.

Меньше комментариев и сомнений в этом тексте вызывает фигура “Хасдая ибн Исхака”, на которого ссылается здесь арабский географ. Вне всякого сомнения, речь здесь идет именно о Хасдае ибн Шапруте, так как этот человек мог быть единственным “Хасдаем ибн Исхаком” из числа современников ибн Хаукаля, интересовавшихся Хазарским каганатом. Тем более, что полное имя Хасдая звучало на иврите как Хасдай бен Йицхак бен Эзра¹⁰.

Значительно большие затруднения вызывает фраза ибн Хаукаля о том, что, согласно Хасдаю ибн Исхаку, данная “гора” (горная цепь) соединяется с горами Арминийи. Начать здесь следует с того, что Арминийа в арабской географической литературе – это не просто Армения в узком смысле слова (христианская страна с армянским населением, расположенная к югу от Главного кавказского хребта), а в первом и самом главном своем значении – административная область Халифата в Закавказье.

Но это не снимает еще одной более сложной проблемы: каким образом Пиренеи, Альпы, Карпаты и Кавказ могут связываться между собой в единую горную цепь. Ведь подобные представления не просто не отличаются достоверностью, но целиком и полностью противоречат объективной (с нашей современной точки зрения) реальности. Более того, подобные идеи противоречат и некоторым данным самого ибн Хаукаля. По его представлениям, как это можно видеть по обсуждаемой в данной статье карте Средизем-

ного моря и по карте мира из Атласа к рукописи “Книги изображения земли” 1086 г., существовал прямой водный путь из окружающего обитаемую землю северного океана к Средиземному морю через Константинополь. Сведения об этом заливе или проливе¹¹ имеются и в книге ибн Хаукаля¹². Ибн Хаукаль, таким образом, оказывается единственным представителем арабской географической науки, знакомым с маршрутом, соединявшим Византию и Причерноморье с Северной Европой, известным по древнерусским источникам как путь “из варяг в греки”. Каким же образом разрешается это противоречие?

Взгляд на карту Средиземного моря ибн Хаукаля показывает, что пролив, идущий от Константинополя к северным морям, на ней изображен не полностью, а горная цепь, долженствовавшая, по ибн Хаукалю, окружать собой всю страну ар-Рум, отнюдь не пересекает европейский континент, хотя и тянется вдоль Испании и Италии в направлении с северо-запада на юго-восток. Очевидно, карта Средиземного моря, иллюстрирующая сочинение ибн Хаукаля, представляет собой довольно неуклюжую попытку соединить взаимоисключающие традиции: о единой горной цепи вокруг земель ал-Рум, пересекающей европейский континент в широтном направлении, и о проливе – водном пути, разделяющем его в направлении меридиональном¹³.

Другим затруднением рассматриваемого текста ибн Хаукаля является его утверждение о соединении “горы” или, точнее, горной цепи, идущей вокруг Испании и Италии, с горами Арминийи. Каким образом горная система, которую можно отождествить с Армянским нагорьем или Кавказом, соединяется у арабского географа с Альпами и Пиренеями? В попытке обойти это затруднение Н. Голб в “корректирном примечании” ко второму русскому изданию своей совместной с О. Прицаком монографии о хазарско-еврейских документах попытался просто снять имеющиеся здесь противоречия: “Мусульманский географ ибн Хаукаль, писавший всего поколением позже Хасдая, сообщая о широкой и могучей горной цепи к востоку от Византии, особо приводит отрывок из несохранившегося текста Хасдая о том, что описываемая горная территория ‘прилегает к горам Армении; [Хасдай] был хорошо осведомлен об этой земле, поскольку он там был и встречался с великими царями и [государственными] мужами”¹⁴.

Интерпретация Н. Голба не может быть принята, так как предлагаемый им перевод (являющийся, скорее, пересказом) не точен. Рассматриваемая горная гряда, изображенная на карте моря ал-Рум из атласа ибн Хаукаля, показана к юго-западу, а не к юго-востоку от Константинополя. Так что при всей условности и несовершенстве картографического искусства арабов упомянутую горную цепь никак нельзя отождествить только с Кавказом и Армянским нагорьем. Очевидно, следует искать другие пути объяснения этого противоречия.

Наиболее подходящим объяснением, на мой взгляд, является унаследованное арабской географической наукой от античности представление о том, что Карпатские (Рифейские) горы являются продолжением гор Индии и Кавказа¹⁵. Отголоски этих представлений, даже в европейской науке державшихся до начала XVI в., есть и в древнерусской “Повести временных лет”, где карпатские горы названы как “кавказинския горы рекше оугорьски”. Очевидно, ибн Хаукаль следует здесь одной из распространенных “научных” конструкций своего времени. Так что мнение М. Штерна об отождествлении упомянутой горной цепи с Альпами, Пиренеями и Карпатами следует признать справедливым, в отличие от интерпретации Н. Голба, представляющейся ошибочной.

В пользу этого можно привести и другие аргументы, также восходящие к идеям и представлениям самого ибн Хаукаля. Во введении к “Книге изображения земли” он разделяет всю обитаемую вселенную на четыре “государства”, фактически являющиеся огромными надгосударственными и надэтническими, этноконфессиональными и этнополитическими общностями. Эти государства у него следующие: Ираншахр и государство ислама (араб. мамлакат ал-ислам); ал-Рум, включающее в себя как собственно Византию, т. е. Восточную Римскую империю, так и русов, Сарир, армян, аланов, славян (ал-сакалиба) и прочие народы, исповедующие христианство; ал-Син, к которому кроме Китая принадлежат также тюрки и прочие языческие народы Севера; и, наконец, ал-Хинд, включающее в себя часть Тибета и также ряд других языческих народов¹⁶.

Итак, на карте из атласа ибн Хаукаля изображена горная цепь, тянувшаяся, по сведениям автора, от Испании до Арминии и хазарских владений (ал-Хазарана)¹⁷ через весь христианский Запад – страну ал-Рум, согласно

сведениям Хасдая ибн Шапрута. Отсюда возникает еще один серьезный источниковедческий вопрос: каким образом информация, которой располагал Хасдай, попала к ибн Хаукалю.

Проблему создает здесь употребление арабским географом глагола *z'ama* (“утверждать”) по отношению к Хасдаю ибн Шапруту. Исходя из контекста столь краткой ремарки ибн Хаукаля, невозможно понять с точностью о каком именно – письменном или устном – утверждении еврейского вельможи из Кордовы здесь идет речь. Н. Голб, по мнению которого ибн Хаукаль мог пользоваться неким “несохранившимся текстом Хасдая”, предпочитает первое из объяснений. Но это построение едва ли может быть принято. Хасдай не писал лично оставшихся от него дипломатических писем и документов, передоверяя это занятие своему секретарю Менахему ибн Саруку. Нет сведений об атрибутируемых ему географических сочинениях. Наконец, даже если бы подобный текст существовал, ибн Хаукалю понадобилось бы по крайней мере выучить еврейские буквы, чтобы прочесть его на иудео-арабском языке. Иврита же ибн Хаукаль не знал. Поэтому, с учетом того, что из “Книги...” ибн Хаукаля нам известно о его пребывании в Кордове и при дворе Абд ал-Рахмана III, большинство исследователей склоняются к мысли, что личный контакт между ибн Хаукалем и Хасдаем действительно имел место¹⁸.

Однако целый ряд затруднений в исследовательской литературе вызвало утверждение ибн Хаукаля о том, что Хасдай “*побывал в Хазарии и встречался там с царями и влиятельными людьми*”. Наиболее радикальные трактовки предполагают, что ибн Шапрут действительно посетил Хазарию. Но достоверность этого сообщения все же не может быть принята. Хасдаю по долгу его дипломатической службы, конечно, случалось бывать за пределами ал-Андалуса. Например, известно об одной такой его поездке по зависимым от Абд ал-Рахмана III христианским королевствам на севере Испании, совершенной им в 956–957 гг. Однако ни латинским, ни арабским, ни еврейским источникам неизвестно о том, чтобы Хасдай хотя бы раз побывал за Пиренеями¹⁹. Несмотря на то, что Хасдай в своем письме Иосифу и выражает желание посетить владения последнего, все же весьма сомнительно, чтобы он мог решиться “*странствовать по горам и холмам, по морю и суше, пока не пришел бы к месту, где находится господин мой, царь, чтобы по-*

видать его величие, его славу и высокое положение, (чтобы повидать), как живут его рабы и как служат его служители, и покой уцелевшего остатка Израиля"²⁰, отказавшись при этом от статуса фактического главы всего испанского еврейства. Более вероятным объяснением этой фразы ибн Хаукаля может быть то, что он, видимо, был сознательно введен в заблуждение либо самим Хасдаем, либо кем-то из его приближенных.

Есть и другая, также связанная с Хасдаем ибн Шапрутом, проблема в интерпретации этого известия ибн Хаукаля. Расположение горной гряды, ограничивающей всю страну ал-Рум и тянущейся от ал-Андалуса до Хазарии, не может не вызвать ассоциации с одним из трех маршрутов, рассматривавшихся ибн Шапрутом в качестве возможного способа доставки его письма из Испании в Хазарию. Маршрут этот проходил через владения г-б-лим (под которыми подразумевается одно из западнославянских племен²¹) в страну венгров, затем на Русь и оттуда – во владения волжских булгар и Хазарию²². Понятно, что дорога во владения г-б-лим должна была проходить по сухопутному пути через Францию и Германию. Письмо Хасдая, судя по всему, достигло Хазарии именно этим маршрутом. Согласно ответу Иосифа, оно было доставлено туда неким иудеем по имени Исаак бен Элизер из "страны Н-м-ц", название которой соответствует традиционному славянскому обозначению Германии²³.

Здесь сам собой напрашивается вывод, что Хасдай мог получить сведения о существовании подобной горной цепи от купцов или иностранных послов, посетивших Кордову в правление Абд ал-Рахмана. В их числе Хасдай называет послов от "царя г-б-лим и царей Ашкеназа", т. е. от Германского короля (с 962 г. – императора) Оттона I²⁴. Посольство Оттона I, или Хуту арабских источников, действительно посещало Кордову в 953–566 гг.²⁵. Более того, латинский источник – житие Иоанна из Горце, монаха, возглавлявшего посольство германского короля, – недвусмысленно свидетельствует об участии Хасдая в дипломатических переговорах²⁶. Посольство из арабской Испании также посетило королевство Оттона I в те же годы²⁷.

Было бы соблазнительно предположить, что представление о соответствующем описанию ибн Хаукаля пути из ал-Андалуса в восточную Европу могло быть получено Хасдаем в результате общения с представителями этих посольств. Действительно, при движении путешественников из Испании

в Восточную Европу через Францию и Германию Пиренеи, Центрально-французский массив, Альпы и Карпаты могут быть восприняты участниками подобного странствия в качестве единой горной системы. Путники могли бы легко заметить, что горная, более возвышенная сторона всегда будет от них к югу, в то время как к северу чаще будет расстилаться спускающаяся к Северному и Балтийскому морям равнина. Сходное впечатление могло возникнуть у них и при движении в обратном направлении.

До сих пор это известие ибн Хаукаля как будто бы подтверждает достоверность еврейско-хазарской переписки и сведений, сообщаемых в письме Хасдая, о попытках доставить его письмо Иосифу. Однако неожиданно возникает серьезная хронологическая проблема. Дело в том, что Ибн Хаукаль, по его собственным словам, побывал в Испании в 948 г. (точнее, начале 337 г. х.)²⁸. Это как минимум на пять лет раньше прибытия в Кордову послов германского короля. Более того, эта дата хронологически совпадает со временем прибытия в 949 г. в Кордову византийского посольства, также упоминаемого в письме Хасдая²⁹.

Упоминания о прибытии в Кордову посольств “царей Константинополя и Ашкеназа”, т. е. византийского и германского императоров, означают, что письмо Хасдая Иосифу было написано не ранее 956 г.³⁰. А это находится в противоречии с приводимыми ибн Хаукалем сведениями о знакомстве с Хасдаем и отнесением этих сведений арабского географа к 948 г.

Поскольку нам неизвестно о посещении ибн Хаукалем ал-Андалуса в позднейшие годы, остается предположить, что возможность личной встречи между ним и Хасдаем при дворе Абд ал-Рахмана III была весьма вероятной. Во всяком случае его описание Кордовы выдает собой взгляд заинтересованного очевидца³¹. Его невысокая оценка состояния войска кордовского халифа традиционно рассматривается как основание для подозрений в инспирации вторжения в Андалусию со стороны Фатимидов³². Подобные черты его описания мусульманской Испании, наиболее подробного за весь Омейядский период³³, производят впечатление разведывательного донесения, оформленного в виде раздела географического трактата.

Однако это не снимает обнаружившегося противоречия между письмом Хасдая Иосифу и новыми данными ибн Хаукаля о знакомстве еврейского придворного Абд ал-Рахмана III со сведениями о Хазарии и ее географиче-

ском положении на несколько лет раньше датировок событий, упомянутых в данном послании. Каким образом может быть разрешено это противоречие?

Конечно, Хасдай в своем послании неоднократно подчеркивает факт неожиданности для него самого известия о существовании “государства у иудеев, называемых по имени ал-хазар”³⁴, полученного им от хорасанских купцов. Однако в ряде других мест послания он несколько раз проговаривается о том, что какие-то сведения о хазарах были известны жителям Андалусии (включая и андалусских иудеев) и ранее. Так, Хасдай прямо ссылается на то, что о географических координатах (широте и долготе “страны ал-Хазар”) ему было известно из неких недошедших до нас “книг мудрецов” (ивр. *sifrei hahamim*)³⁵. Мотив обнаружения свитка в пещере в изложении одной из легенд о древнейшей истории иудеев в Хазарии в письме Хасдая (другой весьма интересный вопрос состоит в том, откуда она была ему известна?) может восходить к Кембриджскому документу, принадлежность которого к дипломатической переписке Хасдая была установлена Н. Голбом и обоснована им методом палеографического анализа³⁶. Согласно другим документам дипломатической переписки Хасдая, по его заказу была изготовлена копия книги Иосиппон³⁷. Это средневековое еврейское переложение “Иудейской войны” Иосифа Флавия открывается так называемой “Таблицей народов” – перечнем современных автору названий народностей и племен, возводимых к библейским патриархам-эпонимам. Эта таблица также содержала в себе упоминание о хазарах, “располагающихся станом” на реке Итиль³⁸.

Само вынужденное отправление Хасдаем письма к Иосифу по оказии с посольством славянского племени г-б-лим никак не означает, что подобный путь или такая возможность не были известны в ал-Андалусе ранее. Текст письма Хасдая, повествующий об этих событиях, показывает, что такой маршрут отправки письма был для Хасдая, скорее, вынужденной мерой. До этого Хасдай попытался переслать его в Хазарию двумя другими путями. Первый путь – по Средиземному и Черному морю – был наиболее прост и удобен для того, чтобы из Андалусии достичь Хазарского каганата. Однако он проходил через столицу Византийской империи – Константинополь, где посольство Хасдая в Хазарию было задержано³⁹. Второй маршрут – по Средиземному морю до Земли Израиля и Иерусалима и оттуда – далее через государства Фатимидов, Хамданидов, христианскую Армению, государство

Ширваншахов и, очевидно, Баб ал-Абваб⁴⁰ – не был использован Хасдаем. Несмотря на то, что северный сухопутный путь в Восточную Европу проходил, с точки зрения жителей ал-Андалуса, в крайне неблагоприятных для них климатических условиях и в целом за пределами известной им ойкумены, должна была существовать серьезная причина для того, чтобы Хасдай выбрал именно его.

Такой причиной были давно сформировавшиеся маршруты иудейских купцов из ал-Андалуса, торговавших с Восточной Европой через территорию империи Каролингов и Западно- и Восточно-Франкского королевств, возникших на ее руинах. Основным товаром, доставлявшимся в мусульманскую Испанию, а из нее и в прочие средиземноморские государства, были славянские невольники, добытые во время постоянных войн на германо-славянском пограничье. Уже ибн Хордадбех отмечает факт доставки “слуг-евнухов, невольниц и мальчиков-слуг” иудейскими купцами-рахданитами из стран западного Средиземноморья на восток мусульманского мира⁴¹. Торговые маршруты, ведущие от границ германских и славянских земель, были ко времени Хасдая ибн Шапрута хорошо освоены торговцами иудеями⁴². Этим же путем несколько позднее двигался в Центральную Европу еврейский путешественник Ибрахим ибн Йакуб.

Наконец, ибн Хаййан, арабо-испанский историк XI в., описывая набег венгров⁴³ на северные районы ал-Андалуса, сообщает, что их страна “...находится на крайнем востоке. Печенеги живут к востоку и соседят с ними. Рим находится к югу⁴⁴ от них, а Константинополь – с небольшим уклоном в сторону востока. К северу от них город⁴⁵ М-рава и другие земли сакалиба. К западу от них живут саксы и франки”⁴⁶.

Как отмечает Д. Е. Мишин, ибн Хаййан в описании этих событий основывался на трудах придворных андалусских историков Ахмада ал-Рази (888–955 гг.) и Исы ал-Рази (ум. 989 г.), имевших доступ к дворцовым архивам и административным справочникам, существовавшим при кордовском дворе⁴⁷. Этот текст, явно выдающий знание о расположении страны венгров уже на среднем Дунае – между Италией и Византией с юга, славянскими землями – с севера, саксами и франками – с запада и печенегами – с востока, интересно сравнить с современными ему еврейскими источниками, в особенности с Письмом Хасдая. Также в нем интересно то, что наиболее

информированной части политической элиты ал-Андалуса, к которой принадлежал и Хасдай, было известно, что восточнее земель франков и саксов и южнее территории славян находятся страны венгров и печенегов. Таким образом, можно предполагать существование представления о возможности достичь эти страны подобным путем.

Итак, сообщение ибн Хаукаля проливает новый, дополнительный свет на особенности хазарской дипломатии еврейского сановника Абд ал-Рахмана III. Выясняется, что Хасдай ибн Шапрут мог знать о Хазарии и хазарах еще до создания текста его письма к Иосифу гораздо больше, чем он сообщает о своих знаниях до получения им ответного письма. Такой результат ничуть не удивителен, если учесть, что внимательное прочтение письма Хасдая выдает в нем не промежуточный, а окончательный итог большого дипломатического проекта. Сведения об этом “проекте” сохранились не только в письме к Иосифу и рассматриваемом в данной статье сообщении ибн Хаукаля, но и в еще одном дипломатическом документе Хасдая – письме к византийской императрице Елене. Этот текст, сохранившийся фрагментарно, содержит просьбу о найме корабля из византийского флота, видимо, для того, чтобы посольство Хасдая могло достигнуть хазарских земель⁴⁸.

Этот большой “хазарский дипломатический проект” Хасдая вряд ли мог быть просто удовлетворением практического любопытства относительно существования государства у иудеев. Необходимость поднять дух единоверцев и утешить еврейскую диаспору в Испании – тоже одно из объяснений подобной деятельности Хасдая, но и оно является далеко не полным и не исчерпывающим. Тем более что у нас есть достаточно сведений, что известия о хазарах должны были так или иначе достигнуть евреев Андалусии к середине X в. В еврейских и арабских источниках есть упоминания, что ибн Шапрут поддерживал связи с еврейскими общинами Вавилонии, которым в первой половине X в. было известно о Хазарии и об иудаизме в ней. Подобные известия есть у крупнейших караимских и раббанитских религиозных авторитетов: Йакуба ал-Киркисани⁴⁹ и Саады гаона⁵⁰. В ближайшее окружение Хасдая входил ученик Саады – один из крупнейших еврейских поэтов и филологов своего времени магрибинец Дунаш ибн Лабрат. Хасдай, по свидетельству еврейского хрониста Авраама ибн Дауда, состоял в переписке сыном Саады⁵¹. Арабский автор ибн Аби Усайбийя в своей истории врачей

пишет, что Хасдай ибн Исхак много постарался для утверждения среди евреев ал-Андалуса более широких знаний еврейского религиозного закона, ранее более характерных, по его мнению, для евреев Багдада. Оттуда же, по его словам, Хасдай собирал информацию по календарным расчетам, находившуюся в распоряжении иракских евреев⁵².

Хасдай фактически оказался во главе диаспоры не только ал-Андалуса, но и всего западного Средиземноморья⁵³, а для того, чтобы утвердиться в этом качестве также и формально, связи с Хазарией могли прийти ему как нельзя кстати. Показательно, что, хотя некоторые средневековые еврейские книжники действительно стремились побывать в земле Десяти Колен за рекой Самбатием, решиться на обмен письмами с хазарским царем – правителем настоящего, а не вымышленного государства – смог только высокопоставленный придворный халифа ал-Андалуса, а не кто-либо из крупнейших ученых или мудрецов Вавилонии или Палестины. Ни Саадья Гаон, ни Киркисани, ни претендующий на давидическую генеалогию экзиларх (глава еврейской диаспоры Вавилонии) не могли обладать такими финансовыми и организационными ресурсами, чтобы поддерживать отношения с этим государством, не опасаясь возможных негативных последствий со стороны мусульманских властей.

А вот Хасдай ибн Шапрут как раз лучше кого бы то ни было подходил на эту роль. Именно он мог использовать свое влияние при дворе кордовского халифа, чтобы установить связь между двумя противоположными пределами еврейского мира: Испанией, которая в этот период только начинала обретать в нем главенство, и юго-восточной степной окраиной Европы, никогда не игравшей значительной роли в культуре и религиозной жизни средневекового еврейства. Тем более что речь шла о повышении личного престижа и влияния Хасдая, которого обмен посольствами и дипломатическими грамотами с единственным из государей его эпохи, исповедовавшим иудаизм, должен был поднимать (и действительно поднимал!) на недостижимую высоту по сравнению с прочими формальными и неформальными лидерами еврейских общин.

С задачами повышения собственного престижа в глазах современников и потомков могли быть связаны и особенности стиля Письма Хасдая с его ориентацией на библейские образцы и многочисленными библейскими ал-

люзиями. Документы, составляющие “Еврейско-хазарскую переписку”, не предназначались для того, чтобы быть только частными письмами, авторами которых были кордовский иудей по имени Хасдай и иудаизированный хазарин из Итиля по имени Иосиф. Такое письмо должно было быть написано на неплохом библейском иврите, и сама литературная форма должна была предполагать обращение к хазарскому правителю как к “царю Израиля”⁵⁴.

Место Хасдая в исторической памяти средневекового еврейства оказалось прочно обеспечено именно благодаря “хазарскому дипломатическому проекту”, ставшему главным делом его жизни, – переписке между ним и Иосифом. И именно это доказывает, что Хасдай достиг этим “проектом” поставленных им целей. Рассмотренное же в данной статье известие ибн Хаукаля о Хасдае ибн Шапруте может служить дополнительным обоснованием реальности существования подобного “проекта”.

¹ Mann J. Texts and studies in Jewish History and Literature. Vol. 1. Cincinnati, 1931 (reprint, Israel, 1970). P. 5–30.

² Рашковский Б. Е. К вопросу об отношении к Хазарии в еврейских источниках X в. / Проблемы еврейской истории. Ч. 1. Москва, 2008. С. 77; Рашковский Б. Е. Хазария и хазары в библейских комментариях Саадьи Гаона / Хазары: миф и история. Москва–Иерусалим, 2010. С. 86–87. Пользуясь случаем, исправляю здесь некоторые ошибки своей более ранней публикации. Во-первых, мотивы поиска Десяти Колен впервые появляются в еврейских источниках в начале II, а не I в. н. э. (опечатка), и, во-вторых, одного из крупнейших караимских экзегетов X в. звали Якуб, (а не Юсуф), ал-Киркисани. См.: там же. С. 73, 80–81.

³ Судя по всему, это был атлас, состоявший из определенного количества карт, снабженных краткими пояснениями (см.: Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. Москва, 2004. С. 196.)

⁴ Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. С. 197.

⁵ По рукописям известно и другое ее название – “Книга путей и стран” (араб. “Китаб ал-масалик ва-л-мамалик”).

⁶ Opus geographicum auctore Ibn Naukal. BGA ser. II, ed. Kramers J. H. T. 2. Lugduni Batavorum, 1967. P. 329–330.

⁷ Араб. ал-джабал. (ед. ч.) – гора, это слово иногда употребляется и в значении “горы”, “горная цепь”, об этом см. ниже.

⁸ Opus geographicum auctore Ibn Naukal. P. 193.

- ⁹ Stern Sh. M. Два новых известия о Хасдае ибн Шапруте (иврит) / Zion, 1946. P. 143–144.
- ¹⁰ Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка. Ленинград, 1932. С. 10, 19, 26, 51, 72, 89.
- ¹¹ Арабское слово “халидж”, употребляемое в данном контексте ибн Хаукалем, имеет оба указанных значения.
- ¹² Opus geographicum auctore Ibn Naukal. P. 100.
- ¹³ Ср. трактовку этого известия в: Мишин Д. Е. Сакалиба. Славяне в исламском мире. Москва, 2002.
- ¹⁴ Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. Москва–Иерусалим, 2003. С. 149.
- ¹⁵ Об этом представлении см.: Новосельцев А. П. Древняя Русь, Кавказ и Закавказье в восточных источниках / Древнейшие государства на территории Восточной Европы: 1998 год. Москва, 2000. С. 290.
- ¹⁶ Opus geographicum auctore Ibn Naukal. P. 5–10, русский перевод текста см.: Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. С. 201.
- ¹⁷ Напомним, что, по ибн Хаукалю, Хазаран – это название западной половины столицы Хазарии – Итиля. См. ее описание и расположение на карте в: Opus geographicum auctore Ibn Naukal. P. 387, 389.
- ¹⁸ Stern Sh. M. Два новых известия о Хасдае ибн Шапруте. P. 145, Захонер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Москва, 1962. Т. 1. С. 82–83., Ashtor E. The Jews of Muslim Spain. Philadelphia, 1979. P. 194–195, 425.
- ¹⁹ Ashtor E. The Jews of Muslim Spain. P. 176–181, 420–423.
- ²⁰ Коковцов П. К. Еврейско-Хазарская Переписка. С. 16, 66.
- ²¹ В соответствующем месте письма Хасдая к Иосифу они охарактеризованы как “ал-саклаб”. См.: Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка. С. 14, 62–63.
- ²² Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка. С. 16, 64–66.
- ²³ Там же. С. 26, 90.
- ²⁴ Там же. С. 14, 62–63.
- ²⁵ Ibn Khaldoun. Kitab al-ibar. Cairo, 1817-18. P. 143.
- ²⁶ Ashtor E. The Jews of Muslim Spain. 1979. P. 169–176, 421–422.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Opus geographicum auctore Ibn Naukal. P. 108.
- ²⁹ Ashtor E. The Jews of Muslim Spain. P. 166, Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка. С. 14, 63.
- ³⁰ Ср., тем не менее, возражения П. К. Коковцова против такой датировки. Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка. С. VII, 62 примеч. 1., 63. примеч. 2.
- ³¹ Opus geographicum auctore Ibn Naukal. P. 111–113.
- ³² Dozy R. Histoire des musulmans d’Espagne jusqu’ à la conquête de l’Andalousie par les Almoravides (711–1110). Vol. 3. Leyde, 1861. P. 17.
- ³³ Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. С. 204.

- ³⁴ В еврейском оригинале письма быквально: "...yeš mamkhat le-yehudim ha-niqrayuim be-šem al-khazar". См.: Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка. С. 14, 63.
- ³⁵ Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка. С. 11–12., 56, примеч. 4–5, С. 57 примеч. 2.
- ³⁶ Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. С. 118.
- ³⁷ Там же. С. 112–113; 125.
- ³⁸ Flusser D. Книга Иосиппон (иврит). Т. 1. Jerusalem, 1978. P. 4–5.
- ³⁹ Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка. С. 14–15.
- ⁴⁰ Там же. С. 15–16; 64–65.
- ⁴¹ Lewicki T. Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny. Wrocław; Kraków, 1956. P.74–75; Мишин Д. Е. Сакалиба. Славяне в исламском мире. С. 139
- ⁴² Д. Е. Мишин проследил путь доставки невольников – основного продукта вывоза пограничного славяно-германского региона в ал-Андалусию по территории Германии и Франции. См.: Мишин Д. Е. Сакалиба. Славяне в исламском мире. С. 153.
- ⁴³ Источник называет их “турками” (араб. al-turk).
- ⁴⁴ Быквально – “по направлению киблы от них”.
- ⁴⁵ al-madina.
- ⁴⁶ См.: Al-Muqtabas de Ibn Nauyan. Madrid, 1979. P. 481.; Мишин Д. Е. Сакалиба. Славяне в исламском мире. С. 61.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. С. 107–108, 120–121. См. также: Mann J. Texts and studies in Jewish History and Literature. P. 22.
- ⁴⁹ Landau M. Нынешнее состояние хазарской проблемы (иврит) / Zion, 1942. № 96.
- ⁵⁰ Harkavy A. Рав Саадья Гаон q-хазарах (иврит) / Semitic studies in Memory of Rev. Dr. Alexander Kohut. Berlin, 1897. (Repr.: Jerusalem, 1972). P. 244–247; Рашковский Б. Е. Хазария и хазары в библейских комментариях Саадья Гаона. С. 77–89.
- ⁵¹ “...прочие же дела р. Саадья Гаона и благодеяния, совершенные им для Израиля, записаны (в его книге) Сефер га-Галуи и в послании, которое написал его сын Доса р. Хасдаю сыну Исаака га-Наси”. См.: The Book of Tradition (Sefer ha-Qabbalah), ed. G. Cohen. Philadelphia, 1967. P. 42.
- ⁵² См.: Luzzatto Ph. Notice sur Abou-Iuosouf Hasdaï ibn Shaprouit... P. 8. Ср. с этим вопрос о подсчете времени “конца чудес” из послания Хасдая Иосифу. См.: Коковцов П. К. Еврейско-Хазарская Переписка. С. 18, 70.
- ⁵³ Ср. его переписку с терпящими различные бедствия общинами Прованса и южной Италии, исследованную Я. Манном и Н. Голбом.
- ⁵⁴ Напомню, что письмо Хасдая – единственный еврейский документ X в., в котором отсутствует мотив происхождения хазар от Тогармы, т. е. вообще не говорится об их нееврейском, тюркском этническом происхождении.

Abstract

The article is consecrated to the unique reference about Hasday ibn Shaprut – the famous Jewish courtier of Spanish Muslim caliph Abd al-Rahman III and the author of an epistle to Khazar Kaganate’s ruler Joseph. Ibn Hawqal’s evidence is a commentary to the map which illustrates this Muslim geographer’s account of the Western Mediterranean (or Bahr al-Rum in Arabic). According to ibn Hawqal, huge mountain chain exists, starting (as it can be seen on the map) from Spain and reaching “the Mountains of Arminiyya” and Khazaran (the western part of Khazar capital Itil in ibn Hawqal’s book). “Hasday ibn Ishaq” who could be only Hasday ibn Shaprut, as it is written in Ibn Hawqal’s book, was in this region, where he had met several kings and men of power.

The main thesis of this article is that Hasday knew much more about Khazars than he reported in his letter to Joseph. Ibn Hawqal had visited Cordoba in 948, which makes him likely to have met Hasday, and had been several years before certain events (especially the arrival of Byzantine and East-Frankish embassies to Cordoba in 948 and 955–956) mentioned in “Hasday’s letter” had happened. The direction of this mountain chain stretching from Spain to Central-Eastern Europe described in Hasday and ibn Hawqal’s account in agrees in general with Ibn Khordadbeh’s description of a route al-Radhaniyya Jewish traders to the north from Byzantium and Christian Europe. The facts that Hasday’s letter finally reached Khazaria through German lands and the very developed tradition of Spanish-Jewish slave-trade with Central Eastern Europe both confirm that ibn Shaprut’s relations with Khazars were not just a curiosity, but a part of a huge diplomatic project aimed to the increase his authority in the Spanish and Western Mediterranean diaspora.